

*С. В. Никоненко**

БЕРТРАН РАССЕЛ ОБ ОБРАЗОВАНИИ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЕДИНСТВА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ**

В статье рассматривается теоретическая система образования, созданная Б. Расселом в 1920-е гг. Актуальность исследования в том, что отсутствуют как отечественные публикации по рассматриваемой теме, так и переводы педагогических трудов Рассела. Делается попытка определить расселовскую теорию образования как продолжение и развитие эмпирической и либеральной модели, заложенной в трудах Дж. Локка. Рассел выступает сторонником «расширенной» модели образования, объединяющей обучение и воспитание; при этом он является убежденным сторонником индивидуального подхода в образовании. Рассел выступает с гуманистических позиций по отношению к ученикам: он рассматривает шалости как «естественные» склонности и способы поведения, но требует от педагогов контроля. При этом Рассел выступает решительным противником любого насилия над учениками. Для него образование — это формирование новой личности, которая a priori автономна и суверенна. Требуется воспитание особого духа стремления к истине и способности адекватного и самостоятельного суждения. Рассел — убежденный критик вмешательства государства и церкви в образовательный процесс; образовательная система должна следовать приоритету научного познания, а также быть автономной от любой идеологии. Оригинален симбиоз образовательных идеалов и выдвинутой Расселом теории мирового Государства. В статье подвергается критике утопический характер образовательной политики Рассела, преобладание идей логики и мегафизики. Если мы посмотрим на идеалы Рассела как философские принципы, мы увидим в нем выдающегося теоретика-гуманиста, способствующего учреждению новых методик обучения, принимающих в расчет индивидуальные особенности психики и способностей учеников.

* Никоненко Сергей Витальевич, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; Русская христианская гуманитарная академия; serg_nikonenko@rambler.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00542 «Бертран Рассел в России: эволюция рецепций и современные дискурсы».

Ключевые слова: Рассел, образование, философия образования, аналитическая философия, обучение, воспитание.

S. V. Nikonenko

BERTRAND RUSSELL ON EDUCATION:

EMPIRICAL THEORY OF THE UNIFICATION OF TEACHING AND UPBRINGING

The article deals with the study of B. Russell's theory of education. This theory follows J. Locke's empirical and liberal model of education. Russell proposes "wide" concept of education: the unity of teaching and upbringing. He argues that the subject of education is a concrete young personality taken as an individuality. He is a participant of humanistic upbringing; children's pranks are natural passions that should be limited, not pressed. The aim of education is to shape a new personality which is a priori free. A teacher must bring the spirit of realism, scientific truth and good passions. Russell criticizes the intervention of the state and church into the realm of education. True education is possible only in the World State. It is supposed that this principle is utopian one. Russell thinks on education from metaphysical and logical points of view; he is far from pedagogical practice. But Russell is a humanist in education. He tries to propose new methodic of education — individual teaching and upbringing.

Keywords: Russell, education, philosophy of education, analytical philosophy, teaching, upbringing.

Философия Бертрана Рассела изучается в России более ста лет, и, казалось бы, в ней уже нет никаких белых пятен. Но это не совсем так. В огромном наследии Рассела все еще присутствуют недостаточно изученные разделы. Одним из них выступает расселовская философия образования. К настоящему моменту по этой теме нет отечественных публикаций. Не переведены на русский язык и труды Рассела в этой области.

Рассел обратился к проблематике образования уже в тот период, когда создал свою логическую концепцию. В 1920-е гг. Рассел решил «перезагрузить» свои идеи в области практической философии; появляются новые труды в области этики и политики. Рассел активно позиционирует себя как общественный деятель, много выступает с лекциями и речами. В этот плодотворный период Рассел пишет две монографии об образовании: «Образование и социальный порядок» (1922) [8] и «Об образовании, особенно в раннем детстве» (1926) [9]. Впоследствии Рассел дополнял и развивал свою концепцию, публикуя статьи и главы об образовании.

Наша задача: систематизировать взгляды Рассела на образование в виде теории. Здесь следует рассмотреть теоретическое понятие образования, миссию учителя, способность и характер ученика, роль государства, религии, социальных институтов в образовании. В качестве обоснования первого теоретического тезиса мы делаем попытку определить расселовскую теорию образования как продолжение и развитие эмпирической и либеральной модели, заложенной в трудах Дж. Локка. Второе положение следующее: Рассел выступает сторонником «расширенной» модели образования, объединяющей обучение и воспитание; при этом он является убежденным сторонником индивидуального подхода в образовании.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ. МИССИЯ УЧИТЕЛЯ

Рассел неоднократно заявлял о том, что он, с определенными оговорками, является сторонником эмпирической позиции в философии. Применительно к образованию, такая позиция трактует ребенка 3–8 лет как существо, имеющее целый ряд природных задатков и способностей, но как существо неразвитое, нуждающееся в том, чтобы получить от взрослого поколения значительное количество полезных теоретических и практических знаний и навыков. В принципе, так смотрят на ребенка основоположники эмпирической теории образования Ф. Бэкон и Дж. Локк. В сущности, Рассел разделяет такой подход. Отличие лишь в том, что Рассел не рассматривает сознание ребенка как *tabula rasa*. Он считает, что базовые способности, такие как способность овладения языком, способность к опыту и мышлению, равно как и качества характера и темперамента, предшествуют любому образовательному процессу.

Отметим, что Рассел подразумевает под термином «образование» более широкое понятие, чем «освоение знаний» или «обучение». Он пишет: «Я провожу разграничение между образованием характера и образованием в области познания» [9, р. 12]. Рассел выступает сторонником идеи объединения воспитания и обучения в рамках единой модели. Вне всякого сомнения, функции воспитателя и учителя далеко не всегда одинаковы, и в каждой деятельности есть своя специфика. К примеру, в дореволюционных российских гимназиях был учрежден штат инспекторов, которые занимались исключительно контролем поведения учеников. В советский и российский периоды эта должность была отменена, но воспитательный процесс никуда не исчез, став нагрузкой классных руководителей, завучей и директоров школ. Лишь в системе пионерских лагерей СССР и в интернатах осталась должность воспитателя; но такие учреждения имеют ярко выраженную специфику. Рассел пытается донести следующую идею: воспитание и образование шагают рука об руку и должны применяться комплексно. Рассуждая о шалостях детей, озорстве подростков, возникающих проблемах в связи с половым созреванием старшеклассников, Рассел выступает с гуманистических позиций по отношению к ученикам: он рассматривает шалости детей как «естественные» склонности и способы поведения, но требует от педагогов контроля. При этом, правда, Рассел выступает решительным противником любого насилия над учениками, обличая казарменные, бурсацкие методы воспитания в учебных заведениях. Не только либерализация школьной воспитательной системы, но и насаждение «пытливого познания» способны преодолеть ущемление развития способностей и личности ученика.

Приведем пример из педагогической карьеры ученика Рассела Л. Витгенштейна, который в те же 1920-е гг., когда Рассел писал труды об образовании, учительствовал в двух сельских австрийских школах. Германа Витгенштейн сообщает о подходе своего брата к ученикам: «Он не просто читал лекции, а пытался привести детей к правильному решению посредством вопросов. Однажды он помог им изобрести паровой двигатель, в другой раз — построить чертеж башни на доске, а как-то — изобразить движущиеся человеческие фигуры. Он пробуждал в них необыкновенный интерес. Даже неодаренные

и ранее невнимательные мальчики отвечали изумительно хорошо» [1, с. 207]. Хотя в этот период дружба Рассела и Витгенштейна сошла на нет, Рассел не мог не знать об учительской карьере Витгенштейна и горячо ее одобрял. Рассел вполне согласен с Витгенштейном в том, что «троечники» и «хулиганы», при должном подходе, могут обнаружить замечательные способности к наукам и быть в определенной степени перевоспитаны. С такой ситуацией столкнулись В. Н. Сорока-Росинский (в знаменитой ШКИД) и А. С. Макаренко (в колонии им. М. Горького); их деятельность была осложнена тем, что они имели дело с беспризорниками и малолетними преступниками. Известно, что Рассел во время своего визита в Россию познакомился и с образовательными планами властей молодой советской республики. Рассел вряд ли глубоко вникал в этот вопрос и едва ли имел полную информацию, но он горячо поддержал выдвинутую программу ликвидации безграмотности. Вышеупомянутых советских педагогов и Рассела объединяет одно: они считают, что усредненные (и тем более казарменные) методы воспитания и образования «работают» менее эффективно, нежели индивидуальный подход к каждому отдельно взятому ученику. «На самом деле важен дух свободы и приключения, ощущения обнаружения и движения к открытию. Если формальное образование дает такой дух, то самые талантливые ученики преуспеют собственными усилиями, для которых есть возможности. Знание — это освободитель от империи природных сил и деструктивных страстей; без знания мир наших надежд не может быть построен», — пишет Рассел [8, р. 248].

Оригинальность Рассела в том, что он экстраполирует свои логические и эпистемологические идеи на сферу образования. Для него образование — это не воспитание в форме муштры и не передача информации из учебников. Важны формирование новой личности (которая а priori автономна и суверенна), а также наставническая помощь в овладении навыками социализации. И еще, самое главное, — воспитание особого духа стремления к истине и способности адекватного и самостоятельного суждения. «Образование должно иметь две цели: первая — давать определенные знания (чтение и письмо, язык и математика и т. д.); вторая — создавать те умственные привычки, которые позволят людям самим приобретать знание и составлять свое мнение», — считает Рассел [3, с. 176]. При этом создание «умственных привычек», по-видимому, даже важнее полученных знаний. Ведь здесь речь идет о воспитании Человека с большой буквы, достойного члена общества, развитой личности. «Каждая серьезная теория образования должна содержать в себе две части: понятие о целях в жизни и науку психологической динамики, т. е. законы ментального изменения <...> Понятие, которое я выдвигаю как цель образования — цивилизация — понятие, которое, как я понимаю, частью индивидуальное, частью социальное», — пишет Рассел [10, р. 141]. Рассел ставит вопросы: каким должен стать человек, пройдя процесс воспитания и образования в детско-юношеский период? для чего человеку вообще быть образованным, какие это дает преимущества в жизни и как это углубляет самосознание? В отношении второго вопроса Рассел подмечает: «Образование должно учить истинности. Как я ее понимаю, это привычка основывать наши мнения на очевидности и разделять их с такой степенью доверия, какую обеспечивает эта очевидность» [7, р. 197].

На наш взгляд, в определенной степени можно критиковать Рассела за отвлеченность и не конкретность выдвинутой цели. В самом деле, как учитель, воспитатель, директор школы придут к осознанию истинности? И не превратится ли истинность на «местном» уровне в набор догм? Однако, задавая такие вопросы, мы требуем от Рассела невозможного: он решает педагогические проблемы философскими средствами, рассуждая как метафизик, а не как педагог. Поэтому, если мы посмотрим на идеалы Рассела как философские принципы, мы увидим в нем выдающегося теоретика-гуманиста, способствующего учреждению новых методов обучения, принимающих в расчет индивидуальные особенности психики и способностей учеников. В метафизическом смысле Рассел мог бы, вероятно, согласиться с Дж. Фаулзом, который пишет: «Несмотря на то, что мы получаем сейчас практически универсальное образование, качественно мы живем в одну из наименее образованных эпох именно потому, что образование повсюду капитулировало перед экономическими потребностями. Относительно куда лучшее образование получали немногие счастливицы в XVIII в.; в эпоху Ренессанса; в Древней Греции и Риме. Цели образования во все эти периоды превосходили наши; оно великолепно открывало перед студентом науку понимания и наслаждения жизнью, равно как и его ответственность перед обществом» [6, с. 271]. Рассел скептически относился к аристократической модели классического образования, считая ее безвозвратно пройденным этапом, но не мог не восхищаться тем, что при такой модели регулярно появлялись выдающиеся ученые и философы. В сущности, и сам Рассел получил классическое, домашнее образование, о котором пишет Фаулз.

Особое внимание Рассел уделяет миссии и деятельности педагогов. На первом плане всегда должны быть интересы и потребности ученика. Воспитывать и обучать — вот главная миссия учителя. «Не приноси в жертву будущее ребенка текущему моменту или вашему удовольствию, требуя от него слишком многое: одно столь же вредно, как и другое. Здесь и всегда сочетание любви и познания необходимо, если следовать верным путем», — пишет Рассел [9, р. 79]. Используя кантовское положение, Рассел неоднократно утверждает, что ученик для учителя должен выступать, как цель, а не как средство. «Ни один человек не годится для образования, если он не видит в каждом ученике цель в себе, с его собственными правами и личностью, а не просто кусочек паззла, солдата подразделения или гражданина государства», — считает Рассел [7, р. 201]. К сожалению, действительность обычно именно такова, против которой ратует Рассел. Здесь также возникает и теоретический вопрос: хватит ли в современной системе школьного и университетского образования у педагога времени и сил на выстраивание доверительных и индивидуальных отношений с обучающимися? Ведь совершенно понятно, что идиллические взаимоотношения, наподобие отношений Платона и Сократа или Александра и Аристотеля, вряд ли осуществимы в нынешних реалиях. Суждение Рассела, вне всякого сомнения, ставит перед учительством прогрессивные и благородные цели, но реальная практика школы ему противоречит. Н. Помяловский, Л. Пантелеев, Л. Кассиль, А. Макаренко и другие авторы известных сочинений о школе (как научных, так и художественных) отмечают, что преподаватели, искренне

любящие своих учеников и ищущие к ним индивидуального подхода, скорее, представляют собой единичное явление.

К примеру, Рассел даже допускает возможность дискуссий между учителем и учеником. «Учителям следует поощрять разумное несогласие со стороны их воспитанников и даже настаивать на их знакомстве с книгами, выражающими взгляды, противоположные точке зрения наставника. Однако делается это редко, и потому большая часть образования состоит в постепенном внушении необоснованной догмы, вытесняющей дух исследования», — пишет он [3, с. 196]. Заметим, что даже в университетском, высшем образовании описанная Расселом ситуация возникает далеко не всегда. В дошкольном и среднем образовании многое держится на авторитете учителя; поэтому любая школьная дисциплина содержит в себе явные или скрытые механизмы подавления «инакомыслия» среди учеников. Однако, рассуждая с метафизической точки зрения, Рассел выступает как последовательный гуманист. Выступая против превращения ученика в пассивного реципиента, Рассел, как эмпирик, полагает необходимым учитывать личный опыт и индивидуальные задатки учеников; как либерал, он считает результатом образования появление новой свободной личности, способной обладать самостоятельным мировоззрением. Как логик, Рассел вносит в свои образовательные идеалы требование развития в учениках рефлексивных и аналитических способностей, позволяющих достигнуть понимания «истинности» не только в теоретических знаниях, но и в ситуациях практической жизни.

2. АВТОНОМИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ОБРАЗОВАНИЕ БЕЗ ЧИНОВНИКОВ И СВЯЩЕННИКОВ

Выстраивая теорию образования, Рассел тесно связывает ее со своими политическими и религиозными воззрениями. Как сторонник реализма, Рассел отчетливо видит, что образовательный и воспитательный процессы всегда осуществляются в рамках конкретной культуры, основания которой сформировались задолго до участников этих процессов; и эти основания воспринимаются как формы традиции, зачастую освященные авторитетом монарха, пророка или бога. Внесение в образовательный процесс общественно-политических и религиозных реалий неизбежно. На этом фоне особенно интересна теоретическая позиция Рассела: он смотрит на такое положение дел вовсе не как на вечное явление. Он считает, что наступил момент освобождения образования от идеологических, политических, националистических, религиозных и других догм. В таком контексте Рассел выступает вольнодумцем, заявившим о своей позиции не только в книгах и статьях, но и на общественной арене (например, в произнесенной в 1922 г. речи «Свободная мысль и официальная пропаганда»).

В этой речи Рассел высказывает следующую мысль: «Тем временем вся государственная машина в различных странах направлена на то, чтобы заставить верить беззащитных детей в абсурдные истины, цель которых — вдохновить их даже на смерть в защиту чьих-то зловещих интересов, внушая им, что они бо-

руются за правое дело» [4, с. 219]. Характерно, что Рассел относит свои суждения к образовательным системам всех крупнейших государств: как тоталитарных, так и демократических. Несмотря на то, что Рассел всегда предпочитает демократию тоталитаризму, он вовсе не идеализирует образовательные реалии Великобритании, США, Франции и других западных стран. В области философии образования он склоняется к радикальной критике западной системы образования, преимущественно с позиций критики клерикализма, идеологии и массового общества. Он пишет: «Вряд ли можно предположить, что чиновники, ответственные за образование, желают, чтобы молодежь стала образованной. Напротив, их задача, не развивая умственных способностей, просто сообщать информацию. Образование должно преследовать две цели: во-первых, давать определенные знания — чтение и письмо, языки и математика и так далее; во-вторых, выработать такие умственные привычки, которые позволят людям овладевать знаниями и формулировать обоснованные суждения. Первое мы можем назвать информацией, навыком, второе — интеллектом. Полезность информации допускается и практически, и теоретически; без грамотного населения современное государство невозможно. Но полезность интеллекта допускается только теоретически, а не практически; нежелательно, чтобы обычные люди размышляли, так как людей, которые размышляют, сложно контролировать и они создают административные сложности» [4, с. 223]. Суждения Рассела впоследствии активно развивали «континентальные» философы: Ортега-и-Гассет, Фромм, Хайдеггер, Хайек, Жан Валь, Сартр, Беньямин и др. Уже в 1922 г. Рассел резко критикует незаинтересованность светских и духовных властей Европы и Америки в том, чтобы обучающиеся культивировали интеллект и свободомыслие. «Но образовательные власти не имеют склонности к каждому конкретному ребенку; в лучшем случае они вдохновляются общественным сознанием, направленном на общество как единое целое, а не просто направленном на детей», — сетует Рассел [8, р. 70]. Тем самым государство и церковь заинтересованы в том, чтобы образование было исключительно профессиональным и стало первой ступенью превращения людей в винтики, бездушные автоматы.

Рассел выводит из этого учение о наличии трех основных систем образования. Согласно первой системе образования, главная цель образования — обеспечить рост талантов и способностей и купировать негативные мешающие факторы. Согласно второй системе образования, целью является развить способности ученика и передать ему определенный культурный потенциал. Наконец, согласно третьей системе образования, следует воспитать прежде всего полезных для государства граждан, когда общественное довлеет над личным. Рассел вырабатывает следующее отношение: он категорически отвергает третью систему, частично принимает вторую систему и полностью поддерживает первую. Можно допустить, что Рассел создает теорию, согласно которой авторитет и подавление сводятся к самому минимуму; учителя обязаны подавлять лишь самые негативные проявления (хулиганство, вредные привычки, распущенность и т. п.). В отношении остальных проявлений личности Рассел предлагает либеральный подход с явственным негативным оттенком: учитель, не препятствуя свободному формированию личности ученика, вместе с тем далеко не всегда несет за это ответственность.

В действительности же дело обстоит иначе. Учителя, преподаватели и руководители оказываются исполнителями; их волю подчиняют себе вполне осязаемые вышестоящие лица, а именно: чиновники и представители духовенства. «И церковь, и государство требуют веры в положения, которые непредубежденный человек не способен принять, а также в мораль, которая столь жестока, что может признаваться только теми, чья доброта вдохновлена догмами», — отмечает Рассел [8, р. 71]. Неокрепшая, подверженная формированию и внушению, подчас угнетаемая школьными порядками психика ученика постепенно вырабатывает «подпольные» механизмы неприятия догм, которые, как правило, выражаются в таком негативном феномене, как постоянно глечущая враждебность между учителями и воспитанниками. Ученики старших классов школ (а порой и студенты в университетах), по Расселу, зачастую находятся в положении русских революционеров: они ведут подрывную деятельность, которая, как правило, обречена на поражение, но способна существенно расшатать систему и породить множество зловердных моральных феноменов. Единственным лекарством от этого Рассел видит насаждение духа науки, наряду с либерализацией воспитательной системы. «Невозможно вбить в голову молодого человека дух науки в той же манере, в какой усваиваются положения, признанные священными и не подверженными вопросам», — считает Рассел [8, р. 109]. В вопросах образования Рассел реализует свою антиклерикальную и сциентистскую программу. При этом «дух науки» Рассел трактует в духе своей логики и эпистемологии: это реалистическое мировоззрение, в основании которого лежат опора на факты и логически строгие описания этих фактов. По мнению Рассела, в современном обществе только наука способна бросить вызов догматизму. В юных душах учеников она способна пробудить стремление к объективному, непредвзятому и критическому мышлению.

Вопрос о влиянии государства на образование, по Расселу, гораздо сложнее вопроса о влиянии церкви. Склонный к атеизму, Рассел считает только полезным отлучение народного образования от церкви. Государство же так «элиминировать» не получится; поэтому Рассел вносит в теорию образования свой политический идеал нового мирового государства. «Я думаю, необходимо <...> учреждение мирового Государства и последующее учреждение всемирной системы образования, лояльной по отношению к мировому Государству», — полагает Рассел [8, р. 27]. Мировое Государство для Рассела вовсе не является идеальным. Он считает, что Лига наций и ООН — это первые шаги в деле политического объединения человечества. При этом, правда, Рассел решительно критикует существующие формы политического устройства. Познакомившись в 1920 г. с образовательной политикой большевиков, Рассел резко осудил полную зависимость этой политики от идеологии. Он отмечает: «Такое коммунистическое просвещение <...> сковывает свободный ум и разрушает инициативу. А ведь индустриальное государство нуждается не только в послушных и старательных работниках, ему нужны также люди, способные к научным исследованиям» [2, с. 38]. Однако и нетоталитарная образовательная система западных стран подвергается критике. Как сын лорда и сторонник либеральных ценностей, Рассел не понаслышке был знаком с классовыми различиями в образовании, когда выходцам из рабочих, крестьян, мелких служащих было затруднительно

обеспечить своим детям достойное образование, а ведущие университеты, на словах постулируя демократизм, оставались по сути привилегированными учреждениями. За десятилетия до Болонского процесса и новшеств конца XX в. Рассел подвергал критике «соревновательную» модель в образовании, в том числе и в отношении конкурсов на замещение педагогических должностей. Такая практика вносит нездоровый дух соперничества и раздора, конкуренцию сродни экономической, неоправданный рост значимости наукометрии; причем во всех таких проявлениях выигрывает вовсе не педагог или обучающийся, а чиновник-бюрократ.

Можно заключить, что Рассел выступает сторонником демократической модели образования, основанной на приоритете научного мировоззрения, но с существенными оговорками. «Идеальная система образования должна быть демократической; хотя этот идеал не является немедленно достижимым», — считает Рассел [9, р. 16]. Важно именно то, что подлинно демократическая система образования — это пока только идеал, а не реальность, несмотря на наличие демократического строя. В целом, учение Рассела об образовании можно считать не эпизодическим разделом его системы философии, а относительно самостоятельной «системой внутри системы». Изучив воззрения Рассела на образование, мы видим его ответы на все самые существенные вопросы. Рассел синтезирует процессы обучения и воспитания, четко прописывает роль и миссию учителя и ученика, успешно решает вопрос о том, что именно развивает образование в личности человека. При этом учение Рассела вдохновлено философией; он считает, что свободное и непредвзятое мышление — не меньшая ценность образования, нежели формирование гражданина, работника, семьянина, верующего и т. д. Над образовательным процессом витает несколько утопический в плане осуществления, но теоретически обоснованный гуманистический дух, при котором на первый план выводится суверенная и гармонично развитая личность. Рассел пишет: «Размышление расширяет не только сферу нашей мысли, но также и сферу наших поступков и чувств: оно делает нас гражданами мира, а не только гражданами одного укрепленного города, воюющего со всеми другими. В этом вселенском гражданстве заключается истинная свобода человека и его освобождение от рабства узких надежд и страхов» [5, с. 275]. Наподобие Поппера, Рассел никогда не считал, что все люди — философы. Однако педагог, способный заронить в души учеников склонность к размышлению и свободе духа, по Расселу, уже является философом. Словно Вергилий, ведущий Данте, он выполняет важнейшую работу проводника юных душ в мир истины, добра и красоты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Монк Р. Людвиг Витгенштейн. Долг гения. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2008.
2. Рассел Б. Практика и теория большевизма. — М.: Наука, 1991.
3. Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали. — Киев: Port-Royal, 1996.

4. Рассел Б. Искусство мыслить. — М.: Идея-пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.
5. Рассел Б. Проблемы философии // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. — М.: Республика, 2000.
6. Фаулз Дж. Аристос. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
7. Russell B. Skeptical Essays. — L.: George Allen & Unwin ltd., 1928.
8. Russell B. Education and the Social Order. — L.: George Allen & Unwin ltd., 1947.
9. Russell B. On Education Especially in Early Childhood. — L.: George Allen & Unwin ltd., 1947.
10. Russell B. In Praise of Idleness and Other Essays. — L.; N. Y.: Routledge, 2004.